

Young Francis

A HISTORY OF ANGLICAN EXORCISM: DELIVERANCE AND DEMONOLOGY IN CHURCH RITUAL

London: I. B. Tauris, 2018. 256 p.
ISBN 978-1-78831-347-6

DOI: 10.31802/GB.2020.39.4.021
УДК 82-95 (2-167.6) (2-41)

Проблематика исследования экзорцизма и связанного с ним феномена одержимости в последние полтора десятилетия становится одной из самых разрабатываемых в современном религиоведении. На эту тему пишут историки, теологи, культурологи, философы, психологи, социологи. Можно заметить, что не проходит и года, как появляются новые работы по теме. Такой интерес имеет простое объяснение: после 1970-х практика экзорцизма в западном мире переживает второй золотой век (первый приходится на начало Нового времени), пропорционально количеству экзорцистов возрастает и медийное внимание к ним, что делает феномен привлекательным и интересным, а это, в свою очередь, приводит к необходимости его осмысления в кругах исследователей. Среди работ по теме в последние годы выделяются труды Фрэнсиса Янга — кембриджского историка, специалиста по истории английского католицизма и магии в эпоху раннего Нового времени. В 2016 г. Янг выпустил отличное исследование «История экзорцизма в католическом христианстве»¹, в котором впервые была составлена картина развития этой практики в Католической церкви. Стиль Янга отличает не только владение историческим материалом, но и хорошая теологическая подготовка и умение ориентироваться в проблемах компаративного религиоведения. В «Истории экзорцизма в католическом христианстве» ему удалось рассмотреть одновременно литургическую, богословскую и историко-культурную стороны вопроса. В 2018 г. в издательстве «I. B. Tauris», с которым Янг активно сотрудничает, увидела

1 Young F. A History of Exorcism in Catholic Christianity. Cambridge: Palgrave MacMillan, 2016.

свет его новая монография «История англиканского экзорцизма: служение избавления и демонология в церковном ритуале». Этот труд продолжает начатое в работе 2016 г. исследование практик христианского экзорцизма.

Книга состоит из введения, шести глав и одного приложения. Во введении Янг определяет такие основные понятия, как «экзорцизм», «одержимость» и проясняет проблему исследования. Поскольку экзорцизм — неоднозначное явление, имеющее множество вариаций, Янг даёт рабочее определение этой практике, сформулированное следующим образом: «...эта книга исходит из того, что любое ритуальное действие — такое как заклинание (*adjuration*), помазание, молитва и даже христианская проповедь — совершаемое с прямым намерением избавиться кого-либо от демонического влияния, может быть описано как экзорцизм» (с. 13). Необходимого прояснения требует и специфика этой практики в англиканстве, ведь, по существу, её бытование является «исторической загадкой» (с. 11), поскольку фактически с самого начала англиканского христианства этой практики официально не существовало, она осуждалась как католическое суеверие, укоренённое в неверном понимании Евангелия, и лишь после 1970-х была легализована, став одной из важных составляющих современной церковной жизни. При этом фактически практика экзорцизма никогда не исчезала из жизни англиканства, а её легализация в 70-е является лишь вершиной айсберга, таящей века богатой истории теологических споров и практической жизни церкви. Второй значимой особенностью англиканского экзорцизма является его связь с духами умерших, призраками, местами пребывания неупокоенных душ, то есть домами с приведениями. Как известно, английская культура глубоко пропитана фольклорными историями о привидениях. Этот народный мотив стал настолько всеобъемлющим, что проник не только в духовную жизнь английского общества, но оказал немалое влияние на богословие. Практика экзорцизма сыграла здесь особую роль, ведь она направлена на изгнание злого духа из человека, но в случае веры в неупокоенные души, вопрос о том, какова природа этого духа, становится трудно разрешимым. Эта неоднозначность и стала важной составляющей англиканского экзорцизма.

Первая глава книги посвящена истории того, как реформировалась практика экзорцизма в период между 1549 и 1603 гг. Янг не ограничивается лишь означенным периодом, он кратко характеризует место экзорцизма в жизни средневековой Англии. Несмотря на существование одержимых, в Англии отсутствовала традиция экзорцизма

как ритуальной практики, совершаемой священнослужителями. Люди, считавшие себя одержимыми, совершали паломничества к мощам известных святых или в крупные святылища, надеясь, что присутствующая там благодать изгонит из них злого духа. Рассказы о легендарных английский экзорцистах, например святом Дунстане или сэре Джоне Шорне, якобы заточившем дьявола в своем ботинке, были редкими исключениями из этого правила. Таким образом, к развитию реформации в Англии не сложилось единой практики экзорцизма, поэтому реформаторам критиковать и отвергать было попросту нечего. В литургической жизни тех лет экзорцизм стал ассоциироваться с практикой благословения и освящения предметов, особую роль закликательные молитвы играли и в таинстве Крещения, но в 1559 г. при обновлении Требника эти молитвы были из него исключены, поскольку, по мнению некоторых богословов, они поддерживали в народе убеждение, что некрещённые младенцы одержимы дьяволом.

Первый случай реального экзорцизма в истории протестантской Англии зафиксирован в 1564 г., это было изгнание демона англиканским священником из девушки по имени Энн Милнер. Интересно, что при проведении ритуала священник читал лишь 50-й псалом и обращался с воззванием к Господу об избавлении девушки, никакого специального ритуала в данном случае не проводилось. Такую же нестрогую структуру имели и другие изгнания, периодически проходившие в этот период. Англиканский экзорцизм тех лет отличался синкретизмом: с одной стороны, в нём прослеживаются отчётливые протестантские влияния, например молитва общины об одержимом, с другой — некоторые священники использовали элементы закликательных молитв, разработанных в Католической церкви. В это же время одержимость начинает восприниматься как следствие ведьмовского колдовства. Отдельно Янг останавливается на историях известных личностей, занимавшихся экзорцизмом, таких как Джон Ди и Джон Даррелл. Именно карьера последнего на этом поприще, в частности его сильная зависимость от католических практик, и привела к тому, что многие церковные деятели к началу XVII в. стали относиться к экзорцизму с большой настороженностью. В целом экзорцизм этого периода Янг оценивает как реализацию характерного для англиканского богословия принципа *via media* в действии.

Вторая глава книги посвящена долгому периоду маргинализации экзорцизма, длившемуся с 1604 по 1805 г. Начало ему положило принятие церковью 72-го канона, который запрещал пост и связанные с изгнанием дьявола молитвы без разрешения епископа. Любой ослушавшийся

подвергался запрету в служении. Именно этот канон регламентировал отношение к экзорцизму на века вперед, хотя он не являлся плодом теологической рефлексии по этому вопросу и изначально был призван упорядочить жизнь Англиканской церкви, выделив экзорцизм лишь как один из случаев самочиния клириков. Янг подчеркивает, что 72-й канон нельзя считать официальной позицией, осуждающей практику. Канон разрешал проведение ритуала лишь с позволения епископа, тем самым признавая реальность одержимости. Как бы там ни было, влияние канона было значительным, англиканское священство официально перестало заниматься экзорцизмом. Определённую роль эта практика сыграла в известной антисадуккейской полемике, развёрнутой англиканскими теологами против критиков религии, таких как Томас Гоббс. Главный церковный полемист Джозеф Гальвини рассматривал экзорцизм в качестве важного свидетельства реальности духовного мира. Особенно значимым он считал тесты на одержимость, проводимые для установления реального присутствия злого духа, когда одержимый начинал говорить на иностранных языках, проявлял сверхъестественную силу и т. п.

Параллельно и, возможно, не без влияния личности Джозефа Гальвини в английском фольклоре развивается тема священников-охотников на привидений (*ghost-laying parsons*). Эти персонажи используют целый арсенал механических средств воздействия из фольклорной магии (железо, соль и т. п.) для того, чтобы изгнать неуспокоенные души в загробный мир. Формально деятельность таких священников не являлась экзорцизмом, поскольку предполагала контакт с призраками, но, по сути, это была популяризация той же практики с приданием ей нового измерения. Но фольклорные персонажи стали вдохновлять реальных священников на реализацию этих практик: священнослужители начинают изгонять духов умерших из домов с привидениями. И несмотря на то, что занимавшихся такой деятельностью были единицы, практика стала важным прецедентом для трансформации представлений об экзорцизме в Англии. Янг также анализирует отличия отдельных случаев экзорцизма у англикан, методистов и пуритан и приходит к выводу, что «...люди верили, что священник официальной церкви может расколдовать кого-то, сказав над ним несколько слов, но популярная аргументация, лежащая в основе этой веры, радикально отличалась от концепции экзорцизма, поскольку люди наделяли самого священника магической силой исцеления. Методисты, напротив,

считали, что только сила и Слово Божие могут исцелять болезни, возникшие сверхъестественным путем» (с. 47).

В третьей главе Янг рассматривает постепенный процесс возрождения экзорцистских практик, связанный с возникновением спиритуализма и модой на эзотерическую духовность, развившейся в период с 1852 по 1939 г. Этот период характеризуется целым рядом важных событий: развитие пятидесятничества возобновило угасающий интерес к демонологии; поворот многих англикан к католицизму привёл к заинтересованности в католических ритуалах, одним из которых был чин изгнания, зафиксированный в *Rituale Romanum*; колониальная политика заставила священников-миссионеров столкнуться с чуждыми религиозными культурами, в основании которых они опознавали демоническую одержимость; спиритуализм стал восприниматься как важное доказательство реальности загробного мира, тем самым актуализировав практики охоты на привидений, предполагающие и их изгнание. Все эти темы отдельно разбираются Янгом.

Особый интерес вызывает история со спиритуализмом. Янг показывает, что долгое время Англиканская церковь не имела чётко оформленной позиции по этому вопросу, и многие священники активно участвовали в спиритических сеансах, писали статьи в спиритические журналы (например, известный «*Borderland*») и входили в ассоциации, занимающиеся исследованием мира духов. В то же время группы теологов-критиков спиритуализма начали представлять его как практику, вдохновлённую падшими духами, тем самым вновь актуализировав вопрос о реальности персонифицированного зла и его воздействии на жизнь людей. Янг подчёркивает, что после 1920 г. в церковных кругах стало доминировать убеждение о демонической природе спиритуализма, при этом вопрос о том, что все эти практики могут быть лишь ловким мошенничеством, не ставился вовсе. Именно через спиритуалистскую субкультуру, в частности через деятельность «Общества психических исследований», в Англиканскую церковь проникают представления о парапсихологии, в итоге большинство англиканских экзорцистов (Гилберт Шоу, Макс Птипьер) стали ощущать свою одарённость сверхспособностями.

Глава завершается историей самого известного британского священника-экзорциста — Гилберта Шоу (1886–1967). Шоу начинал как священник, чьей целью была борьба с пережитками языческих ритуалов, существующими среди крестьян, и с современным сатанизмом, распространившимся, по его убеждению, через тайные общества. Шоу активно занимался изгнанием привидений и инкорпорировал в эту практику

элементы католического экзорцизма, он был первым, кто провёл «отчитку» старого языческого святилища для очищения его от злых духов.

Раскрытию влияния Шоу на последующую англиканскую традицию посвящена четвёртая глава, повествующая об истории экзорцизма с 1939 по 1974 г. В 1950 г. Шоу впервые провёл настоящий ритуал изгнания злого духа из человека, тем самым возродив практику в англиканстве и задав общую модель её развития, сочетающую в себе католический, парапсихологический и мифологический элементы. Шоу перевёл на английский заклинительную формулу из *Rituale Romanum*, немного модифицировав текст, тем самым укоренив новый английский экзорцизм в католической практике. Вместе с формулой в использование вошли католические понятия о малом (без заклинительной формулы) и полном экзорцизме.

Среди учеников Шоу Янг отмечает Джона Ричарда, автора влиятельной демонологической работы «Но избави нас от лукавого» (1974), и Макса Птипьера, считавшегося после смерти Шоу ведущим экспертом по экзорцизму в Англиканской церкви. Но Янг обращается не только к ученикам Шоу, он отдельно разбирает случаи экзорцистов, не принадлежащих к линии последнего, например: Дэвида Оманда, Джона Пирса-Хиггинса и Кристофера Нейла-Смита. Оманд стал первым цирковым капелланом Британии, изгонявшим духов из Бермудского треугольника и отчитывавшим лохнесское чудовище. Отдельно Янг рассматривает историю английской ветви неохаризматического движения, которое сформировало идеологию духовной войны, ставшей самой известной формой публичного экзорцизма в современности. Правда, британская ветвь движения не отличалась теологической систематичностью в этом вопросе, но придерживалась тех же основ, что и более известная американская. Благодаря активной деятельности названных лиц и групп, экзорцизм становится темой публичных обсуждений и медийного интереса. Это приводит к разработке в 1972 г. «Эксетеровского доклада» — документа об отношении Англиканской церкви к экзорцизму, подготовленного коллегией епископов. Этот документ, хотя он и носил лишь рекомендательный характер, стал вехой в пересмотре отношения к практике в англиканстве. Доклад, по словам Янга, «...предполагает, реальность и эффективность магии, утверждает, что... маги способны управлять призраками, и предполагает, что действия магов могут стоять за проявлениями полтергейста. Кроме того, утверждается, что деятельность магов часто активизирует древние кельтские места, такие как курганы, круги...» (с. 71). В докладе говорилось о необходимости создания

совместных учебных центров для англиканских и римо-католических экзорцистов. Это важный момент, который, по мнению Янга, говорит об экуменическом потенциале экзорцистских практик, ставших после второй половины XX в. поистине общехристианскими.

Пятая глава посвящена нормализации и стабилизации позиции экзорцизма в англиканстве в период с 1975 по 2000 г. Этот этап начался с активных дебатов, инициированных новым витком медийной популярности экзорцизма, который был вызван известным фильмом У. Фридкина «Экзорцист» (1973) и скандальным «Делом Барнсли», когда, после проведённого ритуала изгнания демона из мужчины, тот, вернувшись домой, жестоко убил свою жену. Эти события привели к антиэкзорцистской кампании, развёрнутой среди англиканского епископата с подачи кембриджского профессора богословия Джеффри Лампи. Лампи написал открытое письмо, в котором предлагалось рассматривать экзорцизм как внецерковную практику, магическую в своей основе, поощряющую веру в оккультизм. Письмо собрало 65 подписей и нашло поддержку среди некоторых теологов, но в то же время на него последовали резкие ответы других богословов, обвинявших Лампи в материализме и даже масонстве. Другие участники полемики отчасти соглашались с аргументами Лампи, но не считали, что они являются основанием для радикальных мер против экзорцизма. Эти споры привели в итоге к обсуждению проблемы на синоде 1975 г. Синод пришел к выводу, что позиция Лампи радикальна и необходим более мудрый подход. В ответ на этот запрос священник Генри Купер подготовил документ, где обозначил пять факторов, которыми Англиканская церковь должна руководствоваться в отношении экзорцизма. Эти факторы следующие: 1) экзорцизм должен проходить только в сотрудничестве с медиками; 2) совершаться всё может только в контексте таинств и молитвы; 3) проходить всё должно с минимальной оглаской; 4) проводить ритуал должны только опытные лица, уполномоченные епископом диоцеза; 5) после ритуала необходимо пастырское окормление тех, над кем он совершался. Оформленная Купером позиция стала де-факто официальным мнением церкви в отношении экзорцизма.

Янг рассматривает, как в последующие десятилетия эти принципы определяли деятельность таких известных экзорцистов, как Майкл Перри, Доминик Уолкер и Мартин Израэль. В этот период под влиянием неохаризматических практик вместо термина «экзорцизм» стал использоваться неологизм «служение избавления». Результатом такой терминологической переориентации стал документ «Время исцелять» (2000),

подготовленный специальным комитетом Англиканской церкви. В этом документе уже на официальном уровне используются пять факторов Купера и рассматривается вопрос о том, что, учитывая возрастающие по ряду причин потребности паствы в практиках избавления от злых духов, такие действия могут совершаться священством. Правда, допустимость практики предполагается со множеством оговорок.

Отдельного заключения книга не имеет, его роль выполняет шестая глава «Англиканский экзорцизм в XXI веке». В ней Янг пишет о развитии и укреплении идей «Времени исцелять» в практике церкви, рассматривает историю экзорцизма в каноническом праве, ставит этические вопросы, связанные с ней. Определяя систему мышления современных экзорцистов, Янг подчеркивает, что она во многом укоренена в нехристианском сознании: «...“миф об оккультизме”, создаваемый демонологами, воспроизводит сам себя: мысленный мир экзорциста становится замкнутой системой, поддерживаемой показаниями предполагаемых жертв оккультного вмешательства, которые под руководством экзорциста признаются в своей причастности к оккультизму и, следовательно, легитимируют реальность демонической деятельности и необходимость экзорцизма... Паранормальные объяснения важны для экзорцистов, потому что они обеспечивают решающий способ “толкования” предполагаемых явлений, которые в противном случае могут быть интерпретированы как демонические, без необходимости копать глубже ради натуралистических или психологических объяснений» (с. 100). Янг считает, что центральной проблемой англиканского экзорцизма является отсутствие глубокой церковной рефлексии, предполагающей всестороннее рассмотрение вопроса, в том числе и с крайне скептических позиций. Убеждение в том, что любая критика экзорцизма подразумевает скрытый материализм, завела англиканскую теологию в ловушку легковерия, в котором паранормальные оккультные явления, порождённые современной эзотерической мифологией, стали восприниматься как реальные доказательства духовного мира.

Говоря о книге Янга в целом, стоит заметить: несмотря на то, что она представляет собой значительное и инновационное исследование, впервые реконструирующее панораму отношения к экзорцизму в англиканстве, она не лишена ряда недостатков. Во-первых, книга будто создана в дополнение к предыдущему труду автора 2016 г. «История экзорцизма в католическом христианстве». Англиканский экзорцизм подаётся почти без анализа общехристианской проблематики, в которую он встраивается. Более того, когда Янг обращается к заимствованиям

из католицизма, систематически осуществляемым англиканами, то неподготовленный читатель вряд ли может оценить их теологическое значение и масштаб. Иными словами, «История англиканского экзорцизма» слишком фрагментарна, чтобы её можно было читать с нуля. Во-вторых, книга перенасыщена деталями и именами, особенно последние главы, которые представляют собой череду историй отдельных экзорцистов. Иногда у читателя может возникнуть вопрос: а зачем приводится такое количество фактов? Отсюда третья проблема книги — её малая аналитичность. Если «История экзорцизма в католическом христианстве» была подробным анализом каждого этапа развития практики, то здесь читателю предлагается набор интересных сюжетов, без выраженной аналитической (а не хронологической) систематизации и авторской позиции. Хотя авторскую позицию всё же можно обнаружить в книге, но лишь в заключительной главе. Если в случае с католическим экзорцизмом Янг был более мягок, то, рассматривая англиканский, он обостряет проблематику, намеренно подчёркивая гетеродоксальные истоки этой практики и её сильную зависимость (если не сказать сконструированность) от культурных процессов середины XIX — первой половины XX в. Но несмотря на некоторые недостатки, рассматриваемая в книге тематика помогает поставить значимые вопросы о развитии определённых внутрихристианских практик. Труд Янга можно смело рекомендовать историкам, религиоведам, теологам, культурологам и всем интересующимся темой.

Павел Георгиевич Носачев